

Николай Добролюбов

**La confession d'un poete. Par
Nicolas Semenow, Paris, 1860**

Николай Добролюбов

**La confession d'un poete. Par
Nicolas Semenow, Paris, 1860**

«Public Domain»

1860

Добролюбов Н. А.

La confession d'un poete. Par Nicolas Semenow, Paris, 1860 /
Н. А. Добролюбов — «Public Domain», 1860

В рецензии на роман Н. Н. Семенова ярче, чем в других произведениях Добролюбова, выразилось неприятие критиком-демократом социальной психологии и морали дворянского общества, сколком которых является этот роман. Добролюбов с неодобрением воспринимает сам факт сочинительства русского автора на французском языке, в чем критик видит проявление элитарности, незаинтересованности в демократическом читателе. Но особенно возмущает критика крепостническое отношение к женщине, которым пропитан «аристократический» роман Семенова.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	7
Комментарии	

Николай Александрович Добролюбов

La confession d'un poete. Par Nicolas Semenow, Paris, 1860

(Исповедь поэта. Сочинения Николая Семенова. Париж)

Все, что написано по-французски, принадлежит, собственно, к французской литературе и потому по-настоящему не должно бы иметь места в *русской* библиографии. Но мы питаем большую нежность к нашим соотечественникам, на каком бы языке они ни говорили, и никак не хотим уступить их иноземцам. Г-н Кокорев, граф Соллогуб, Наркиз Атрешков, Николай де Жеребцов, инженер-полковник Комаров и другие французские литераторы из русских^[1] остаются постоянно близки нашему сердцу не менее тех русских писателей, которые простирают свое презрение к иностранным языкам до того, что *Blinde Kuh* переводят «слепая корова»...^[2] Наш патриотизм так велик, что никакой язык, даже язык статей г. Аполлона Григорьева^[3], не помешает нам тотчас признать нашего соотечественника, где бы мы его ни встретили, не только в Париже, но даже в первом и третьем отделении Санкт-Петербургской Академии наук^[4]. Не упрекайте же нас за намерение разбирать в числе русских книг французское сочинение г. Семенова.

В отношении к этому автору мы имеем, впрочем, и другие причины, почему обращаем на него внимание. Главная причина та, что нам жаль юный (может, он и старый, но из учтивости всегда говорится – юный) талант, до сих пор не нашедший себе достойной оценки. Представьте себе, молодой российский юноша ощутил вдруг призвание к творчеству и неразлучное с ним стремление к славе. Он горит желанием раскрыть свою душу пред целым миром. Россия, как ни огромно ее протяжение, тесна для него, удивления семидесяти миллионов, говорящих по-русски, мало ему... Он хочет заявить себя пред Европой, он желает поразить блеском своего гения весь образованный мир. И вот он прибегает к всемирному языку – сочиняет книжку по-французски, спешит в Париж, печатает свою рукопись в великолепной типографии Дюбю-иссона в Rue-Coq-Negon, может быть самой литературной из парижских улиц, нечто вроде Армянского переулочка в Москве^[5], – отдает свою книжку на попечение г. Amyot, разделяющего с Франком любовь наших соотечественников^[6], и ждет, что заговорит о нем Европа. Он имеет все шансы для прославления своего имени: лучшие из соотечественников прочтут его по-французски скорее, чем если бы он писал по-русски; в мнении каждого порядочного русского роман его будет заранее выигрывать 50 процентов уже потому, что он идет из Парижа и, кроме того, сокровища таланта русского автора доступны теперь для удивления всех образованных людей Европы; но особенно важно то, что новое французское творение должно вызвать похвалы парижской прессы; а так как известно, что журналистика всего мира повторяет то, что говорится в Париже, то, без всякого сомнения, имя г. Семенова скоро разнесется во все концы вселенной и прогремит в обоих полушариях.

Так, конечно, рассчитывал юный романист и, может быть, в мечтах своих возносился уже выше Вандомской колонны^[7], против которой помещается книжный магазин г. Амьё, его издателя. Судите же, каково должно быть его разочарование: прошло около года после издания его романа, и никто не заикнулся о нем. Парижская пресса прошла его молчанием, и он может рассчитывать разве попасть в будущий «*Annuaire des deux Mondes*»^[8], который с особенной любовью занимается состоянием русской науки и литературы, считая в числе главных ее представителей гг. Лешкова и Луганского^[9], или, как он выражается, Leschkoff и Louganski. Г-н Семенов ждал всемирной славы, а ее-то и нет... Мало того, и сама Россия осталась до сих пор в неведении о творении, давшем Европе новое доказательство русского гения. Русские журналы заняты были поздними сожалениями о том, что Россия потеряла г-жу Свечину, столь

благодетельно действовавшую на развитие истинной цивилизации за границей;^[10] но никто не пожалел о том, что русские читатели, не знающие по-французски, лишены счастья познакомиться с талантом г. Семенова... Мало того, даже в петербургские салоны не проник розовый томик г. Семенова, несмотря даже на то, что он многократно и с особенной настоятельностью обращается к светским дамам и молодым джентльменам. Правда, он пепелит их молниями своего гнева, но тем интереснее должен бы он казаться: поэт во гневе!.. Ведь это море в бурю! И если вы стоите на берегу, в полной безопасности, как же не полюбоваться на величественное явление природы!.. Но habent sua fata libelli¹

¹ Книги имеют свою судьбу (лат.). – Ред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

В. А. Кокорев опубликовал в брюссельской газете «Le Nord» статью «Взгляд русского на европейскую торговлю» (перевод – РВ, 1858, март, кн. 1). Кроме того, ему принадлежит брошюра «Impressions de la voyage d'un russe in Europe», Paris, 1859 («Впечатления русского от путешествия по Европе»), В. А. Соллогуб написал на французском языке пьесу «Preuve d'amitie», Paris, 1859 («Доказательство дружбы») и ряд брошюр: «Le Caucase dans le question d'Orient. Reponse aux biographes parisiens de Schamyl», Paris, 1855 («Кавказ в восточном вопросе. Ответ на парижские биографии Шамиля»), «Les musiciens contre musique», 1860, из «Journal de St.-Petersbourg» («Музыканты против музыки») и др. Н. А. Жеребцов – автор книги «Essai sur l'histoire de la civilisation en Russie», т. 1–2. Paris, 1858 («Опыт истории цивилизации в России»), которую Добролюбов подверг уничтожающей критике в статье «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» (см. наст. изд., т. 1), а также ряд брошюр на французском языке: «Le congress et non la guerre», Paris, 1855 («Конгресс и мир»), «Les trois questions moment», Paris, 1857 («Три современных вопроса»), «De l'emancipation des serfs en Russie», Paris, 1859 («Освобождение крепостных в России»). Употребляя приставку «де» перед фамилией Жеребцова, Добролюбов намекал на его аристократические амбиции. Наркиз Атрешков (Н. И. Тарасенко-Отрешков) издал на французском языке книгу «De l'or et de l'argent», Paris, 1856 («О золоте и серебре»; русский перевод – СПб., 1856), которой Н. Г. Чернышевский посвятил ироническую рецензию (Совр., 1856, № 7). В 1860 г. он опубликовал новую книгу: «Des causes de la cherte», S.-Petersbourg («Причины дороговизны»). А. С. Комаров сотрудничал в газете «Le Nord», издававшейся на французском языке и финансирувавшейся русским правительством. В 1860 г. он выпустил в Париже первый том издания «Presse Scientifique des deux mondes. Revue universelle du mouvement des sciences pures et appliquees» («Научная пресса обоих полушарий. Всеобщее обозрение движения чистых и прикладных наук»), И. И. Панаев, сообщая об этом в «Заметках Нового поэта» (Совр., 1860, № 9), иронически писал об «учености» Комарова.

2.

Немецкое выражение «Blinde Kuh» (букв.: «слепая корова») означает: «игра в жмурки».

3.

Добролюбов имеет в виду своеобразную терминологию А. А. Григорьева, которая была объектом постоянных насмешек в тогдашней критике (см., напр., заметку Добролюбова в «Свистке» № 2 «О допотопном значении г. Лажечникова»).

4.

По уставу 1841 г. Академия наук делилась на три отделения: I – физико-математическое, II – русского языка и словесности, III – историко-филологическое. Среди действительных членов Академии наук по I и III отделениям было значительное число иностранцев, главным образом обрусевших.

5.

В Армянском переулке находилась редакция журнала М. Н. Каткова «Русский вестник».

6.

Парижские издатели и книготорговцы Ф. Амио и А. Франк издавали и продавали русские издания различной политической ориентации, в частности, в магазине Франка в 1850-е гг., а в магазине Амио в 1860-е гг. продавались лондонские издания А. И. Герцена.

7.

Вандомская колонна – бронзовая колонна высотой 43,5 м, воздвигнутая в честь побед Наполеона I в 1810 г.

8.

Ежегодник «Anmmire des Deux Mondes», издававшийся при журнале «Revue des Deux Mondes», содержал справки о деятелях в области политики, науки и литературы.

9.

В. Н. Лешков – историк русского права славянофильской ориентации. Казак Луганский – псевдоним В. И. Даля.

10.

См. примеч. 41 к статье «Черты для характеристики русского простонародья» (наст. т., с. 726–727).